

человек у них убили, а пятьдесят посадили в замке Майанпата, но через три дня, сжалившись над ними, так как это были христиане, отпустили. Легат послал также множество тевтонов в Виронию на помощь Иоанну, и против датчан, и против свирепых эзельцев, но рижане, услышав об этой войне, отправили, послов и заключили мир с датчанами, чтобы сосредоточить силы для нападения на эзельцев и распространения веры среди язычников.

Когда прошли праздники Рождества и Крещения Господня, снег покрыл землю, а лед воду, так что поверхность бездны замерзла и воды стали крепки, как камень, все покрылось льдом и стали лучше дороги, как по суше, так и по воде. Как только установилась дорога по морю, рижане, стремясь омовением крещения очистить племя эзельцев, живущее на острове в море, тотчас назначили поход и созвали всех к реке (*после 6 января*), именуемой Матерью вод. Отпраздновав день Фабиана и Себастиана (*20 января*), собрались все тевтоны, рижане, ливы с лэттами и эсты из всех их областей, взяли продовольствие и оружие и пошли за достопочтенным господином епископом ливонским, при котором были епископ семигалльский и магистр Волквин со своими братьями и пилигримами. Отслужив торжественную мессу, выступили по льду на Эзель. Войско было большое и сильное -- до двадцати тысяч человек. Построившись отрядами, двигались они в порядке, каждый под своими знаменами, по льду моря и верхом и в санях. И шум войска подобен был сильному грому: бряцало оружие, сталкивались сани, двигались и кричали люди, падали и снова вставали кони то тут, то там на льду. А был он гладок, как стекло, так как от дождей, пришедших с юга, был залит водой, потом замерзшей. Перешли они море с великим трудом и наконец радостно добрались до берегов Эзеля.

Уже на девятый день подошли к замку Мою и предполагали только переночевать там, после того как имели, стычку с людьми в замке. Те, боясь предстоящего сражения и стрельбы из балист, укрылись в свои жилища в замке, а ночью послали к епископу и прочим старейшинам войска людей с речами, полными лжи, обещая принять веру Христову и мир с христианами, но рассчитывая, когда войско пойдет дальше, нанести урон и поражение задним. Епископ да и другие старейшины хотели бы принять эти условия и согласиться на мир, но этому мешали лживость и преступность эзельцев, ибо нет мудрости и нет совета вопреки Господу, а эти люди, не желая оставить свои злые обычаи, все еще жаждали крови христианской и совершали разные мерзости; полные злобных намерений, они не заслужили дара святого крещения; полагаясь на прочность своего замка, не желая мира и говоря постыдные речи, они скорее заслуживали смерти, чем крещения. Так как они, наверное, не хотели мира, мир ушел от них, а пришло возмездие.

Тевтоны бросились было на вал, надеясь взобраться в замок, но были отбиты и пострадали от камней и копий; пришлось сражаться не только открытой силой, но и искусством. Построили осадные машины, против патерэллов врага поставили свои и стали метать в замок камни, соорудили свинью, а под ней вели подкоп, пока не дошли до середины вала. Тогда, отодвинув свинью, поставили на ее место крепкую башню из бревен, на нее вошли тяжеловооруженные с балистариями и начали обстреливать эзельцев и укрепления копьями и стрелами. Те из замка метали копья и камни в осаждающих.

На шестой день осады (*3 февраля*), наутро после праздника Сретения (чтобы самый день Сретения не встречать кровопролитием и убийством), едва рассвело, разгорелся бой. Зацепляя загнутым железом или железными крючьями, стали по одному выламывать из укрепления крупнейшие бревна, которыми оно держалось, так что некоторая часть укрепления обрушилась наземь. Обрадовалось войско христианское, стало кричать и молиться Богу. Кричали и осажденные, обращаясь к своему Тараните. Одни призывали